

Теплякова Анастасия Сергеевна

практический психолог, психотерапевт в методе ППТ

Всемирная ассоциация позитивной и транскультурной психотерапии

г. Висбаден, Федеративная Республика Германия

DOI 10.31483/r-151760

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ ВЕРНОСТИ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ И В ПОЗИТИВНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ КАК ВТОРИЧНОЙ АКТУАЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ

***Аннотация:** статья посвящена исследованию феномена верности в контексте современного кризиса межличностных отношений. Актуальность работы обусловлена необходимостью преодоления разрыва между культурно-историческим пониманием верности как фундаментальной добродетели и практическими запросами психологической помощи. В исследовании проводится сравнительный анализ концепции верности в русской культурной традиции (на материале фольклора, философии и литературы) и в позитивной психотерапии Н. Пезешкиана, где верность рассматривается как «вторичная актуальная способность». Выявлено, что русская традиция предлагает ценностно-смысловую модель верности, характеризующуюся метафизической глубиной, иерархичностью и ориентацией на служение, в то время как позитивная психотерапия разрабатывает функционально-прагматическую модель, операционализирующую верность как развиваемую поведенческую компетенцию.*

***Ключевые слова:** верность, вторичные актуальные способности, позитивная психотерапия, русская культурная традиция.*

Актуальность проблемы исследования обусловлена системным кризисом доверия и стабильности межличностных отношений в современном обществе, наблюдается рост нестабильности браков, ослабление долгосрочных социальных связей и трансформация традиционных институтов. В условиях глобализации и цифровизации, приводящих к фрагментации социального опыта, обращение к русской культурной традиции, где верность исторически занимала

центральное место, позволяет выявить устойчивые нравственные ориентиры. Одновременно в психологической науке растет запрос на позитивные и анализируемые концепции, что делает продуктивным обращение к позитивной психотерапии Н. Пезешкиана, где верность рассматривается как «вторичная актуальная способность».

Таким образом, актуальность данного исследования заключается в попытке синтеза культурно-исторического понимания верности как фундаментальной добродетели и психотерапевтического подхода к ней как к практической компетенции. Этот синтез имеет значение как для развития понятийного аппарата психологии, так и для решения прикладных задач в консультировании, образовании и социальной работе.

Для понимания культурных истоков верности необходимо обратиться к ее фундаментальным основаниям. Первичным пластом, хранящим архетипические представления, является русский фольклор, где верность выступает краеугольным камнем национального мировоззрения.

В былинах верность, чаще всего предстает как служение, где личное подчинено общему и является главной характеристикой богатыря, неотделимой от его силы и мужества. Например, богатыри, будучи в обиде на князя Владимира (как Илья Муромец), в час опасности встают на защиту Родины. Их верность – не рабская преданность правителю, а осознанная ответственность перед народом и русской землей, что ярко отражено в сюжете былины «Три поездки Ильи Муромца» [4].

В сказках и балладах верность проявляется как стойкость и подвергается тяжелым испытаниям. Например, в волшебных сказках («Аленький цветочек», «Финист – Ясный Сокол») героини демонстрируют верность, отправляясь «за тридевять земель», чтобы спасти любимого, а в балладе «Ванька-ключник» верность клятве ставится выше жизни.

В малых фольклорных формах, таких как пословицы и поговорки наиболее точно фиксируются этические принципы народа. Например, в пословице

«Взялся за гуж, не говори, что не дюж» подчеркивает верность слову, а в пословице «Старый друг лучше новых двух» – верность преданности.

Однако важно отметить, что фольклор также содержит и «теневой» аспект верности – ее ригидность, способную превращаться в фанатизм или слепую покорность, что позднее будет критически осмыслено в русской литературе.

Таким образом, мы можем заключить, что именно в русском фольклоре закладываются основы верности как тотальной и иерархической добродетели, начинающейся с верности слову и завершающейся служением Родине.

В свою очередь в русской философской мысли верность приобретает уже метафизическую глубину и строгое понятийное оформление. В трудах русских философов понятие верности раскрывается как многогранный духовно-нравственный феномен, укорененный в специфике национального мировоззрения. Его содержание выходит за рамки межличностных отношений и приобретает метафизическое и социальное значение. Изучая труды русских философов, можно выделить несколько подходов к рассмотрению понятия «верность»:

1) духовно-нравственный. В данном случае верность рассматривается, как фундаментальное условие цельности личности и ее связи с абсолютными началами. Например, А.С. Хомяков в своем учении о соборности рассматривал верность как добровольное единение в любви и истине, где личность сохраняет свободу, но преодолевает индивидуализм посредством причастности к общему духовному идеалу [9]. В.С. Соловьев в свою очередь анализировал верность как проявление «нравственной энергии», направленной на сохранение связи с Благом. Для него верность – это не только верность в отношениях, но и верность Истине, что созвучно платоновскому пониманию любви как устремления к абсолюту [6];

2) социальное служение. Здесь верность неотделима от идеи служения Отечеству, народу, высшим ценностям. И.А. Ильин рассматривал верность как основу национального самосознания: «Верность Родине есть верность себе – своему духовному строю». Он связывал ее с жертвенностью и долгом, противопоставляя «потребительскому» отношению к жизни [3];

3) экзистенциальный. Н.А. Бердяев писал о «верности призванию» как экзистенциальном выборе, определяющем судьбу человека. Для него верность – это верность своему духовному пути, даже в условиях трагического конфликта с внешним миром [1];

4) метафизический, когда верность рассматривается как константа культуры. Например, С.Н. Булгаков [2] и Г.П. Федотов [7] рассматривали верность как онтологический принцип, отражающий верность Бога творению.

5) коллективистский. Здесь верность раскрывается посредством категории «мы». С.Л. Франк в «Духовных основах общества» [8] подчеркивал, что верность – это не договор, а органическая связь, вырастающая из единства «мы». Она предполагает жертвенность и ответственность за других.

Таким образом, в русской философии верность предстает не как одна из многих добродетелей, а как системообразующий принцип, связывающий во едино бытие личности, общества и Бога. Она является: духовным ориентиром, связывающим человека с абсолютными ценностями (В.С. Соловьев; А.С. Хомяков); социальным идеалом, основанным на служении и жертвенности (И.А. Ильин); экзистенциальным выбором, определяющим идентичность личности (Н.А. Бердяев); метафизической константой, отражающей божественную верность миру (С.Н. Булгаков, Г.П. Федотов); органической связью, выражающей соборную природу человеческого «мы» (С.Л. Франк).

В XIX–XX вв. русские писатели также исследовали верность во всей ее полноте и сложности, превратив ее в один из центральных сюжетобразующих мотивов национального самосознания.

В русской литературе верность часто предстает не как спокойная уверенность, а как сознательно избираемый крест, требующий высшего самоотречения. Так, А.С. Пушкин в «Капитанской дочке» показывает верность как стержень личности, противопоставляя верность долгу и присяге (Гринев) и измену (Швабрин), а в «Евгении Онегине» автор сталкивает два типа верности: верность долгу (Татьяна перед мужем) и верность страсти (Онегин).

Ф.М. Достоевский в «Преступлении и наказании» воплощает идею безусловной верности в образе Сони Мармеладовой. Ее верность Родиону Раскольникову, Богу и своим идеалам, несмотря на грех и падение, носит характер искупительной жертвы, спасающей и преображающей душу героя. А в романе «Идиот» князь Мышкин олицетворяет христианскую верность всепрощения и сострадания, пытаясь до конца быть верным и Настасье Филипповне, и Аглае, что приводит к трагическому финалу, подчеркивающему невозможность такой верности в «падшем» мире.

В свою очередь Л.Н. Толстой в «Войне и мир» исследует верность на нескольких уровнях. Верность Родине воплощена в образе Кутузова и простых солдат, сражающихся за родную землю. Семейная верность показана через противопоставление: верность Ростовых своим идеалам и друг другу противостоит изменам и расчету Элен и Анатоля Курагиных. Наташа Ростова, с ее эмоциональной «изменой» Андрею с Курагиным и последующим духовным преображением, демонстрирует путь к истинной верности через страдание и осознание долга. Андрей Болконский проходит путь от верности идеалам личной славы к верности служению Отечеству и всепрощению. Особый путь к обретению верности демонстрирует Пьер Безухов. Его духовная эволюция представляет собой мучительный поиск верности самому себе, своим нравственным принципам и высшему смыслу. Пройдя через искушение богатством, несчастливый брак, масонством и пленом, Пьер обретает ту внутреннюю цельность, которую он безуспешно искал вовне. Его верность Наташе после долгих лет испытаний становится не просто браком, а воплощением верности обретенной истине, простоте и душевной гармонии. В отличие от статичной верности некоторых персонажей, верность Пьера – это динамичный, выстраданный результат внутренней работы, что делает его одним из самых глубоких примеров становления верности как осознанного жизненного выбора в русской литературе.

В «Анне Карениной» тема верности и измены становится центральной. Трагедия Анны – это трагедия нарушения супружеской верности, приведшая к социальному осуждению и духовному краху. В противовес этому, история К.

Левина и Кити представляет идеал верности семейного очага, основанного на взаимной любви, доверии и общих духовных исканиях. Для Л.Н. Толстого верность – это не только нравственный долг, но и естественный закон человеческого бытия, нарушение которого ведет к распаду личности и гибели.

В прозе И.С. Тургенева («Отцы и дети», «Дворянское гнездо») и И.А. Гончарова «Обломов» верность становится мерилom личностной состоятельности. Персонажи этих авторов проходят через испытание верностью любовной, идеологической, своим принципам. Верность здесь – это лакмусовая бумажка, выявляющая внутреннюю силу или слабость человека перед лицом перемен и соблазнов.

В XX веке, в эпоху исторических катастроф, тема верности обретает новое звучание. М.А. Булгаков в «Мастере и Маргарите» возводит верность на уровень метафизического противостояния мировому злу. Маргарита демонстрирует не только супружескую неверность, но и высшую верность Любви и Творчеству, становясь символом силы, способной бросить вызов самому дьяволу. Ее верность – это творящая, спасительная сила.

М.А. Шолохов в «Тихом Доне» исследует трагедию человека, утратившего все точки верности – царю, белому движению, красным, семье, любимой женщине. Драма Григория Мелехова – это драма распада всех связей, где измена историческим и личным обязательствам становится причиной экзистенциальной пустоты.

В прозе А.И. Солженицына «В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ» и В.Т. Шаламова «Колымские рассказы» верность – это последний оплот человеческого в нечеловеческих условиях. Верность другу, верность слову, верность своим нравственным принципам – это то, что отделяет человека от «одушевленной материи», то, за что можно умереть, но нельзя предать. Здесь верность становится формой сопротивления тоталитарной системе, стремящейся растлить и разобщить людей.

Проведенный анализ показывает, что в русской традиции верность – иерархический феномен, пронизывающий все уровни бытия. Однако это понимание

часто остается на уровне декларативной морали, не предлагая инструментов для ее развития в современных условиях. Именно этот разрыв между глубинной культурной концепцией и прагматическими запросами современной психологической практики успешно преодолевает подход позитивной психотерапии, основанный Н. Пезешкианом, где верность переосмысливается и операционализируется, получая статус «вторичной актуальной способности» [5].

В концепции Н. Пезешкиана «вторичные актуальные способности» – это социально обусловленные и культурно закрепленные нормы поведения, формирующиеся в процессе воспитания и социализации. В отличие от «первичных» способностей (таких как любовь, доверие, терпение, вера и другие), которые являются базовыми, врожденными потенциалами человека, вторичные способности (например, пунктуальность, чистоплотность, вежливость, верность) – это конкретные, прикладные модели поведения, усвоенные посредством взаимодействия с окружающей действительностью. Они называются «актуальными», поскольку именно они становятся источником актуальных конфликтов в повседневной жизни, когда ожидания партнеров в отношении этих способностей не совпадают [5].

Верность идеально соответствует критериям вторичной способности, поскольку она:

- является продуктом научения. Человек не рождается верным; это качество формируется в семье посредством усвоения таких понятий, как «данное слово», «обязательство», «надежность», «семейные традиции». Ребенок учится верности, наблюдая за верностью родителей друг другу, друзьям, своим принципам;
- проявляется в конкретных поведенческих актах. Это не абстрактная идея, а практика: соблюдение договоренностей, надежность в партнерстве, эмоциональная и физическая верность в близких отношениях, верность своим профессиональным или дружеским обязательствам;
- становится полем для актуальных конфликтов. Проблемы в отношениях часто возникают из-за различного понимания верности («Я считаю, что флирт в социальных сетях – это не измена», «Ты постоянно меняешь планы, на тебя

нельзя положиться»). Таким образом, обмен «верности» на «доверие» – это классическая тема для психотерапевтической работы в модели Н. Пезешкиана.

В позитивной психотерапии верность раскрывается не через метафизику или моральные императивы, а через ее психодинамическое измерение. Это:

– способность к постоянству и надежности. Верность – это поведенческая модель, демонстрирующая, что человек является предсказуемым и надежным партнером, на которого можно положиться в долгосрочной перспективе;

– социальная компетенция, основанная на способности выстраивать и поддерживать стабильные, доверительные связи. Она прямо связана с базовой способностью к познанию и проявляется именно посредством социально одобряемых и усвоенных форм поведения;

– навык, который можно целенаправленно развивать. Если человек испытывает трудности с верностью (не может хранить верность в браке, постоянно предаёт друзей, отступает от данных себе обещаний), это рассматривается не как неизлечимый «нравственный порок», а как дефицит определенной психосоциальной компетенции. Этот дефицит можно проработать в терапии, исследуя его истоки (например, в детских переживаниях или конфликтах между родителями) и формируя новые, более адаптивные модели поведения.

Такой перевод верности из плоскости метафизической добродетели в плоскость развиваемой способности открывает новые перспективы для диалога между гуманитарным знанием и практической психологией, позволяя обогатить понятийный аппарат науки конкретными механизмами работы с этой ключевой характеристикой человеческих отношений.

Сопоставление двух подходов к пониманию верности с точки зрения русской традиции и позитивной психотерапии позволяет показать их взаимодополняемость.

Таблица 1

Сравнение двух подходов к понятию «верность»

<i>Критерий</i>	<i>Русская культурная традиция</i>	<i>Позитивная психотерапия Н. Пезешкиана</i>
<i>Основа</i>	Ценностно-смысловая, метафизическая	Психодинамическая, поведенческая

<i>Фокус</i>	Служение, долг, жертвенность, идентичность	Надежность, постоянство, разрешение конфликтов
<i>Подход</i>	Нормативный, императивный	Инструментальный, развивающий
<i>Риски</i>	Ригидность, подавление индивидуальности	Редукция до поведенческих актов, утрата глубины

Таким образом проведенный анализ показывает, что русская традиция и позитивная психотерапия предлагают не противоречащие, а взаимодополняющие модели. Русская культура задает ценностный ориентир и смысловую глубину, а психотерапевтический подход предоставляет инструментарий для развития верности как практической компетенции. Такой синтез позволяет преодолеть как морализаторскую ригидность, так и прагматический взгляд, как крайние точки, предлагая целостное понимание верности, необходимое для решения актуальных проблем современного российского общества.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа: сборник / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1994. – 479 с.
2. Булгаков С.Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов / С.Н. Булгаков. – М.: Астрель, 2008 – 784 с.
3. Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь: книга раздумий / И.А. Ильин. – М.: ЭКСМО, 2007. – 526 с.
4. Литературное чтение. 4 класс: учебник для общеобразовательных организаций. – 6-е изд. – В 2 ч. – М.: Просвещение, 2017. – С. 39–59.
5. Пезешкиан Н. Психосоматика и позитивная психотерапия / Н. Пезешкиан. – М.: Медицина, 1996. – 464 с.
6. Соловьев В.С. Оправдание добра / В.С. Соловьев. – М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012. – 656 с. EDN QXCSYV
7. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 11 томах / Г.П. Федотов. – М.: Мартис, 1996–2015.
8. Франк С.Л. Духовная основа общества: сборник / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 510 с.

9. Хомяков А.С. Избранные труды / А.С. Хомяков. – М.: Мир истории, 2004. – 589 с. EDN QOWLFL